

✦ Профессиональное кредо

UDC 101.9

DOI: 1606-951X.2014.1.2015

А.А. ГУСЕЙНОВ, Ю.М. РЕЗНИК

ЭТИКА ФИЛОСОФА (В ПОРЯДКЕ ДИАЛОГА). Часть 2. О ПРИЗВАНИИ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ ФИЛОСОФА (окончание)

***Аннотация:** В заключение второй части диалога Ю.М. Резника с А.А. Гусейновым обсуждаются вопросы о профессиональном и нравственном предназначении философа. Их интересует то, в чем состоит миссия философа. Является ли для него философия работой или образом жизни? При всём расхождении некоторых взглядов на роль философии в обществе участники дискуссии объединяет чувство общей ответственности за её судьбу. Они отмечают необходимость активного участия философов в делах общества. Однако это участие должно быть лишено политических мотивов и призвано прояснить основную деятельность субъектов, принимающих решения.*

Авторы диалога размышляют также о возможности проектирования этики и морали. Они задаются вопросом: если мораль можно проектировать, то можно ли проектировать деятельность самого философа (специалиста по этике)? И кто этим занимается — наемные интеллектуалы правящего класса или особые идеологические структуры? Различие в позициях участников диалога проявляется и в разном толковании ими проблемы социального генезиса морали. Предметом их обсуждения стала и проблема профессионализма в философии. Кто вообще может называться философом, а кому дано быть хорошим интерпретатором философских текстов — исследователем или преподавателем философии? Что значит философствовать и мыслить философски? Какова идеальная модель общения между людьми, занимающимися философией?

Авторы высказывают свое мнение о преемственности в философии и философском сообществе. Они отмечают, что главное в работе с молодыми исследователями — не потерять талантливых и мотивированных на исследования людей. И еще один важный вопрос, который затрагивают участники дискуссии, это — возможно ли управление исследованиями в области философии. Это особенно актуально звучит на фоне последних изменений в статусе Российской академии наук.

Гусейнов Абдусалам Абдулкеримович — доктор философских наук, профессор, академик РАН, директор Института философии РАН (Москва);

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва), профессор ТПУ (Томск). E-mail: reznik-um@mail.ru.

Abstract: *In the second part of the dialogue Yu. Reznik and A. Guseynov discuss the professional and ethical mission of philosophers. They are interested in defining of what is the mission of philosopher. Is philosophy a job or a way of life? Although the discussants differ in some of their views on the role of philosophy in society they share the sense of responsibility for its future. They point out the necessity of philosophers' active participation in the societal problems. However this participation must be devoid of political motifs and aimed at clarifying the grounds for the agency of the decision making subjects.*

The authors also reflect on the possibilities of ethical and moral designing. If the morals may be designed then can we also engineer the practice of philosopher (a specialist in ethics)? And who is to do this – the hired intellectuals of the ruling class or specific ideological structures? The differences in the authors' positions is also expressed in their different interpretations of the morals social genesis. They also discuss professionalism in philosophy. Who can claim to be a philosopher and who can only be a good interpreter of philosophic texts, that is, a researcher or an instructor of philosophy? What does it mean to philosophize and think philosophically? What is the ideal model of communication for philosophers?

The authors speak of the continuity in philosophy and philosophic community. They point out that the importance of not losing the most talented and scholarly motivated young researchers. One more crucial question touched upon by the discussants is the possibility of management in philosophic inquiry. This is particularly urgent in the context of the latest changes in the status of the Russian Academy of Sciences.

Ключевые слова: философия, этика, культура, мораль, нравственность, индивидуальная этика, социальная этика, призвание философа, философский образ жизни, профессионализм в философии, проектирование морали, молодое поколение, научная бюрократия.

Keywords: philosophy, ethics, culture, morality, individual ethics, social ethics, applied ethics, philosopher's mission, philosophic way of life, professionalism in philosophy, design of morality, young generation, scholarly bureaucracy .

Нравственное самоопределение философа

Ю.М.: *Абдусалам Абдулкеримович! Если философия есть любовь к мудрости, а философ – человек, стремящийся стать мудрым через познание мудрости, а не просто через любовь к ней (в этом состоят, по Вашим словам, счастье и судьба философа), считаете ли Вы себя по-настоящему счастливым человеком, и в чем это проявляется?*

А.А.: *Мои отношения с философией, в целом, можно охарактеризовать как неразделенную любовь. Я ее люблю, а она не очень-то отвечает взаимностью. В одном из предшествующих разговоров, кажется, мы говорили о различии между философом и профессором (научным сотрудником) философии. Различие это является очень важным, как в моем понимании философии, так и в собственном самосознании. Себя я предпочитаю не называть философом и смущаюсь, когда это делают другие. Я имею дело с философией, изучаю ее, преподаю, являюсь профессором философии, доктором философских наук, директором Института философии, но никак не смею называть себя философом, имея в виду, что так именуют Платона, Аристотеля, Гегеля, Соловьева, Ницше... А о том, что я избрал в качестве профессии занятия философией, никогда не жалел. И, чем дальше, тем больше радуюсь этому. Иногда даже с ужасом думаю, что бы было, если бы этого не случилось. Никогда не задавался вопросом, счастлив ли я или несчастен, и не могу даже сказать, нормально это или нет, не задаваться таким вопросом. Единственное, что могу сказать – судьбу свою принимаю и не жалал бы себе другой.*

Ю.М.: Абдусалам Абдулкеримович! Вопрос о том, считаете ли Вы себя философом, я опускаю за очевидностью. Поскольку философы ведут преимущественно созерцательный образ жизни, как Вам удастся совмещать его с активной научно-организационной деятельностью? Лично у меня это пока не получается. Хотя я сделал такую попытку и даже переехал за город, в ближайшее Подмосковье, чтобы вести философский образ жизни. По-видимому, как не место красит человека, так и философом нельзя стать, добываясь уединения или меняя место жительства. Наверное, всё дело в призвании, а не в месте расположения субъекта познания. К тому же философия требует тебя всего целиком. Ею нельзя заниматься урывками, время от времени, в перерывах между другими заботами. Получается ли у Вас **полноценное занятие философией**? Удаётся ли Вам достигать состояния созерцательного блаженства, которое Вы вслед за классиками признаете пиком философского творчества?

А.А.: Философия как состояние души по свидетельству самих философов есть занятие уединенное. Не в том, однако, смысле, что философ как индивид изолирует себя от других, скажем, переезжает в деревню, как Вы и другие наши сотрудники, поселяется в бочке как Диоген, бродяжничает босиком как Сковорода, изолирует себя искусственной размеренностью жизни как Кант. Он может, наоборот, как человек быть политически активным как Платон, деятельным как Лейбниц, даже шумным как Сартр. Его уединенность состоит в том, что он погружен в себя до самозабвения, что душа его ведет разговор не с миром, а сама с собой. Философ не мыслит, он уходит в мышление. Уходит в него из мира. Рассказывают, будто Сократ часто замирал на месте; однажды простоял, не двигаясь с места весь день и всю ночь (это случилось в одной из военных компаний, в которых Сократ участвовал). Комментируя этот эпизод и эту особенность Сократа, Гегель — человек, который прекрасно понимал, что такое мышление и что оно представляет собой особое царство, царство не от мира сего — писал «Это — нечто вроде каталепсии, состояние, вероятно, родственное магнетическому сомнамбулизму; в этом состоянии Сократ совершенно умирал для чувственного сознания. Это физическое освобождение внутреннего абстрактного «я» от конкретного, телесного бытия индивидуума представляет собою внешнее доказательство того, как глубока была совершавшаяся в нем внутренняя работа духа. В его лице мы видим вообще обращение сознания вовнутрь, которое в нем, как в первом явившемся пример такого обращения, существовало антропологически, между тем как позднее оно сделалось привычкой». Свидетельству философов, что погружение в мышление есть погружение в другую — сверхчувственную, но еще более прекрасную, чем чувственный мир, — стихию, приходится верить. А как иначе они могли сотворить свои учения, откуда еще могли почерпнуть их. Мы, кто не наделен способностью мыслить в такой степени, как они, можем судить об этом по косвенным признакам. Например, занимаясь философскими текстами, стараясь проникнуть в их смысл и логику, мы теряем чувство времени и, когда нам кажется, что прошло всего пять-десять минут, оказывается, что прошли уже два-три часа. Или другое наблюдение: интересные, чего-то стоящие мысли приходят в голову неожиданно, вдруг, они могут быть и связаны с предшествующей работой, но не вытекают из нее, не являются следствием пошаговых методических рассуждений. Что касается меня, то, как я уже отметил, не оцениваю себя в категориях счастья, а созерцательное блаженство — это род счастья, при том, как считалось, высшего счастья. Единственно могу сказать: люблю, нравится читать, перечитывать работы философов, разбираться в них, выписывать.

Насколько принуждаю, почти насилую себя, когда надо по службе читать иные диссертации, правильно выстроенные, но непонятно для чего и зачем написанные «ученые» статьи и книги коллег, настолько же упиваюсь, когда нахожу увлекающую меня живую мысль.

Уединенность философа — одна сторона, не самая трудная, быть может, в его судьбе. Другая, значительно более драматичная, состоит в том, чтобы найти собеседника, того, кто настроен на ту же волну. Не просто умного, образованного, а именно того, кто настроен на ту же волну (не знаю, как точнее выразиться). Философ говорит сам с собой. И у него есть потребность поговорить с другим, не поделиться, не доказать, не навязать, не рассказать даже, а именно поговорить, найти того, кто готов подключиться к его размышлению, что-то подтвердить своим наблюдением, о чем-то спросить, словом, в беседе с кем он мог бы продолжить разговор с самим собой, вынести его во вне. Философию связывают с диалогичностью мышления, диалог считается, был (и отчасти остается) излюбленным ее жанром. Но это — особого рода диалогичность, она в своей основе (и прежде всего в своей личностно формирующей основе) монологична. Философ не будет спорить и даже говорить с тем, кто думает иначе, кто извне возражает ему, а только с тем, кто разделяет его интеллектуальный пафос, кто понимает и принимает основной ход его мыслей, кто тянется к той же истине, что и он. Ему нужны поэтому друзья, ученики, люди, готовые его слушать, которые находят удовольствие в разговоре о том, что его волнует, которые доверяют ему, доверяют упреждающе, еще до того, как он начинает говорить. В этом отношении мне иногда (очень редко) везло. Очень не люблю лекции на большую аудиторию, нравятся небольшие по составу и не лимитированные строго по времени спецкурсы и семинары, где можно именно вести разговор.

*Ю.М.: Этика, по Вашему мнению, составляет моральный пафос «философии, воплощенной в жизненном проекте самого философа». Что для Вас важнее в реализации своего **жизненного проекта**: найти и изучить самого себя, стать более совершенным или изменить окружающий мир и тем самым измениться самому? Или одно другое не исключает? Кого Вы считаете своим нравственным идеалом, идеалом совершенной личности?*

А.А.: Этические суждения, как я их понимаю, являются и остаются этическими до тех пор, пока они сохраняют нравственно обязывающий смысл. Думать иначе было бы подобно тому, как если бы мы стали рассматривать научные выводы безотносительно к тому, являются ли они истинными или нет. Занятия этикой в этом смысле оказываются дополнительной нравственно-психологической нагрузкой. В одном фильме учитель дефектологии, который исправлял детям речь, сам не мог произносить букву «д». Это было смешно. Люди ожидают, что человек, занимающийся нравственностью, сам должен быть нравственным. Вполне естественная и законная позиция. Здесь, однако, есть проблема.

Этика имеет свою степень точности, которая характеризуется тем, что ее утверждения имеют общий и вероятностный характер, они не доходят до строгих формул, позволяющих отдельному человеку принимать правильные решения в конкретных обстоятельствах. Знать этику, даже учитывая, что это есть знание о том, как правильно (нравственно достойно) поступать, недостаточно для того, чтобы поступать нравственно и быть нравственным. Здесь требуется еще особая практическая мудрость, навык, добродетельный строй души — вещи, которые формируются только в индивидуальном опыте, являются привилегией, компетенцией и ответственностью самой

личности. Занятия этикой не обязательно оказывают нравственно облагораживающее влияние на тех, кто ею занимается. Оказывают ли они, могут ли оказывать нравственно разлагающее влияние — вопрос, на который я бы не стал сразу давать отрицательный ответ. Этика не способна сделать порочного человека добродетельным, она своими знаниями может только помочь добродетельному человеку укрепиться в своей добродетельности.

Для меня занятия этикой не были, разумеется, нравственно нейтральным занятием. Они тем более не были таковыми, что требовали известной стойкости: ведь в те (60-ые гг. XX в.) годы, когда мы начинали, этика у нас считалась периферийной философской дисциплиной и в академическом табеле о рангах стояла намного ниже, чем теория познания, логика, история философии, даже эстетика. Тем не менее, свою жизненную линию я выстраивал независимо от того, чем я занимался профессионально; если здесь усматривать какую-то связь, то скорее саму этику как предмет занятий я выбрал, исходя из каких-то личных пристрастий.

Что касается моего жизненного проекта, то о проекте здесь можно говорить только в том смысле, что философию, а в рамках философии этику как род занятий я выбрал сознательно, намеренно. В остальном же все складывалось стихийно, по обстоятельствам. Это относится и к нравственной линии поведения, она, собственно, сводилась к тому, чтобы стремиться не делать ничего недостойного. Удавалось ли это всегда? Не думаю. Сознательная же установка состояла именно в этом, и я бы хотел быть способен в последний час, не лукавя, сказать то, что сказал Мцыри, один из самых любимых героев моей юности: «Но я не делал людям зла».

В целом, задумываясь над этими Вашими вопросами, ловлю себя на том, что сам я их перед собой никогда не ставил. Никогда, например, специально не задумывался, изменять ли мне самого себя или окружающий меня мир. Если окинуть взором свою жизнь именно под углом зрения столь неожиданно для меня сформулированного вопроса, то могу сказать следующее. Мир изменить, конечно, я не пытался, скорее, приспособлялся к нему. К примеру, сближался с теми, кто был мне больше по нраву и старался держаться дальше от тех, кого считал неискренним, ненадежным. У меня бывали случаи, когда люди, с которыми я находился в довольно близких, даже дружеских отношениях, за глаза (а иногда в глаза) допускали неприемлемые для меня вещи, и я спокойно, но твердо прерывал отношения с ними или переводил их в формально — уважительное русло. У меня не было также никогда ярко выраженного желания доказать кому-то что-то, явно (намеренно) ни с кем не конкурировал.

Что касается того, работал ли я над собой в плане нравственного совершенствования, то и в этом смысле нельзя сказать, что я придерживался какой-то программы. Было несколько случаев, когда я проделывал некие опыты над собой с целью испытать себя. В основном же старался реагировать на ситуации нравственно-психологического дискомфорта и корректировать свое поведение и привычки. Мне не нравятся, когда окружающие недовольны мной, какими-то моими действиями, словами; в таких случаях всегда, даже тогда, когда считаю такое недовольство необоснованным, я стараюсь скорректировать свое поведение так, как если бы виноват был я сам.

Ю.М.: Как известно, в идеальном государстве Платона правят философы. Но для этого, как Вы сами отмечаете, им надо перейти из бессмертного состояния мудрецов в бренное состояние правителей. А это уже не благо для них, а вынужденная жертва. Но вернемся в наше время. Представьте себе, что Вы — философ, который должен жертво-

вать собой ради общего блага (например, эффективного и стабильного развития академического института). В чем заключается Ваша миссия сегодня: «стоять на страже целого, в том числе и прежде всего задавать нормы и каноны добродетельного и справедливого поведения в государстве»? Тогда в чем выражается конкретно линия Вашего поведения как философа и директора института в одном лице?

А.А.: Собственные занятия философией и директорствование — это разные вещи. Сочетать их трудно: чем больше одного, тем меньше другого. Тут надо выбирать. Соглашаясь (избирая) долю директора, я ограничил существенно свои возможности научной работы. Но жертвой это не считаю. Ведь речь идет об Институте философии — о философской среде, которая совершенно необходима для прорастания индивидуальных талантов и достижений. Способствуя созданию, поддержанию такой среды, если предположить, что это мне удастся, возможно, я нашей философии приношу больше пользы, чем делал бы это своими работами. И потом, пост директора расширяет мои возможности общения с коллегами по цеху и знакомства с тем, что они делают. Честно признаться, много рассуждать об этом не хочется. Ведь, даже если есть что-то тяжелое в доле директора, позволяющее употреблять такие слова как «жертва», тем не менее, сам директор не может так думать и говорить, не впадая в фальшь. Лично я исхожу из того, что быть директором мне доверили, но не заставляли и силой не удерживают.

Ю.М.: Абдусалам Абдулкеримович! Удастся ли Вам в практическом **руководстве** институтом избежать ненужных страстей, издержек личных привязанностей? Есть ли у Вас свои «любимчики»? К мнению каких людей Вы прислушиваетесь в первую очередь, когда принимаете решение по кадровым и иным организационным вопросам? Следует ли Вы известной поговорке: *доверяй, но проверяй*?

А.А.: Удастся или нет избежать и в какой степени, не берусь судить. Единственное, что могу сказать: стараюсь избегать. Есть ли «любимчики»? Вряд ли. Свою работу в качестве директора рассматриваю как самое важное дело в жизни, выпавшее на мою долю. При этом речь идет не об Институте, каким я его вижу, а об Институте, каким он сложился и существует. Институт я рассматриваю как некое странное, но в своей целостности вполне разумное живое существо. Если попробовать в виде некоего общего принципа выразить мое отношение как директора к Институту в целом, то я бы сформулировал его так: «Выдвигать лучших, не обижая всех других».

К кому прислушиваюсь, когда принимаю решения по разным важным для Института вопросам? В первую очередь к коллегам, которые выделяются по профессиональным качествам и творческим достижениям, а среди них — к тем в особенности, чья биография срослась с Институтом. Разумеется, стараюсь при этом учитывать также мнение и возможные реакции сотрудников всех рангов и положений.

«Доверяй, но проверяй» — с доверияй получается легче, чем с проверияй.

Ю.М.: Чем Вы руководствуетесь в своей **индивидуальной этике**, которая, по Вашему мнению, является первичной системой моральной регуляции? Значит ли это, что критерии социальной этики, в т.ч. нормативные документы, регламентирующие деятельность научно-исследовательских учреждений, являются для Вас вторичными? Какая из моральных практик преобладает в Вашей повседневной организационно-управленческой деятельности: *этика ответственности* или *этика убеждения*?

А.А.: Ни критерии социальной этики, ни тем более нормативные документы никто не может игнорировать; другое дело — отношение к ним, которое может быть более

или менее критическим, скептическим, циничным и т.д. Мое отношение к ним, думаю, является нормальным, считаю себя вполне социальным человеком. Но ни критерии социальной этики, ни нормативные документы не говорят нам с необходимой точностью, какие совершать поступки и принимать конкретные решения. Они не снимают индивидуальной ответственности. Впрочем, у меня никогда и не было желания спрятаться за моральными и административными инструкциями, как и стремления попирать их. Что касается того, что преобладает в моей повседневной организационно-управленческой деятельности — этика убеждения или этика ответственности, то, оставляя в стороне вопрос об оправданных пределах и возможных опасностях такого разграничения, могу сказать: на уровне директора академического института, который вполне обозрим до каждого сотрудника и достаточно понятен во всех своих содержательных разветвлениях, этика ответственности и этика убеждения вполне могут совпадать. Не могу сказать, что все решения принимаю охотно, с легким сердцем, но и нет такого, чтобы я делал это в конфликте с убеждениями, с собственными представлениями о справедливости.

Ю.М.: *Абдусалам Абдулкеримович! Чем Вы объясняете для себя проблему нарушения преемственности поколений в философском сообществе? Считаете ли Вы себя как представитель старшего поколения ответственным за сложившуюся ситуацию? Что Вы лично сделали для того, чтобы привлечь талантливую молодежь для работы в области философии?*

А.А.: События конца XX в., когда рухнуло советское государство и раскололся единый народ на 15 частей, когда произошла радикальная смена социальной системы, события эти сказались самым негативным образом на связи поколений во всех областях. Вот уж действительно порвалась связь времен. Философия на общем фоне выглядит еще неплохо. Тем не менее, проблема и у нас, в том числе в Институте, существует. Конечно, чувствую себя за это ответственным. Что делаю? В качестве директора выступил с предложением выдвинуть проблему преемственности поколений в Институте в качестве приоритетной, был поддержан коллективом научных сотрудников. И мы действуем в этом направлении. В качестве профессора продолжаю работать с аспирантами, руковожу их работами. Двое из них — Мехед Глеб Николаевич и Троицкий Константин Евгеньевич — подготовили прекрасные работы.

Ю.М.: *Следующий вопрос Вы можете при желании снять. Он, возможно, и не самый злободневный, но все же актуальный. Некоторые наши коллеги убеждены, что институт выборов в члены РАН уже устарел, да и не соответствует демократическим принципам организации науки. Наиболее радикальные критики нынешнего состояния управления в РАН считают ее анахронизмом или рудиментом феодального прошлого. К тому же многих смущает нравственная сторона отбора кандидатов в члены-корреспонденты и действительные члены Академии. В последние годы в отделение общественных наук были избраны люди, не имеющие реальных научных заслуг, но обладающие при этом статусными амбициями и административными ресурсами. Не секрет, что в ход шли не только лесть, но и косвенный подкуп тех членов Академии, которые обладают реальным весом. И всё это происходило при Вашем непосредственном участии. Вы не можете этого отрицать.*

А.А.: Не буду говорить в, целом, об иерархии научных званий и степеней; система это действительно тянется из феодальной эпохи и несет на себе отпечаток сословного мышления. Наверное, она имеет свои недостатки, но она пережила свою эпоху, дошла до наших дней и на многих примерах, в том числе на примере нашей российской

академии, блестяще доказала свою эффективность не из-за этих недостатков. Система научных степеней и званий — одно из отработанных и проверенных временем средств качественной оценки научного труда, основанной на мнении экспертов, а также способ ограждения научного сообщества от некомпетентного бюрократического вмешательства. Сегодня, на фоне умопомешательства на рейтингах и прочих внешних количественных показателях это становится особенно очевидным. Что эта система также дает сбои, что она не идеальна — кто будет спорить; об этом и надо говорить.

Ю.М.: *Абдусалам Абдулкеримович! Для Вас философия — не только род деятельности, образ и дело жизни, но и особый **этический проект**. Сначала задам Вам вопрос, относящийся к обоснованию Вашего этического проекта (**этике намерений**).*

Вы считаете философа не просто моральным субъектом, задающим образцы миру, а почти «лабораторно чистым примером морально совершенствующейся личности». По Вашему мнению, философ обязан на собственном жизненном примере испытать очищающую силу своих учений. Ведь он рассматривает свою философскую концепцию как программу личностного развития. Удалось ли Вам создать такую концепцию и обосновать программу нравственного самосовершенствования? Насколько она соответствует стратегии и тактике Вашей жизни.

А.А.: Этот вопрос мы уже обсуждали с Вами. К сказанному вряд ли смогу добавить что-то более конкретное. В целом, Вы правы, исхожу из убеждения, что философия, будучи родом познания, имеет также личностно формирующий смысл, существует в неразрывном единстве своих теоретических и ценностных аспектов.

Ю.М.: *И завершающий вопрос. Абдусалам Абдулкеримович! Он касается другой стороны Вашего этического проекта — **этики поступков и свершений** (достижений).*

Чем Вы гордитесь в своей жизни? Какими проектами, делами, отношениями, учениками, личностными качествами?

И еще: какие пункты Вашей жизненной программы вызвали у Вас особые затруднения? Если не секрет, какие из поступков прошлой жизни вызывают у Вас до сих пор моральные переживания и угрызения совести?

А.А.: Вы своим вопросом понуждаете меня бросить общий взгляд на свою жизнь профессиональную и личную. Пожалуй, к этому я сейчас, по крайней мере, в контексте нашей беседы, не готов. Не знаю, правильно ли поступают те, кто пишут воспоминания, давая свою, неизбежно приукрашенную, версию собственной жизни. И можно ли доверять тому, что сам человек о себе, к тому же задним числом, думает?! Те исповеди, которые получили известность в философии и культуре, были самобичеваниями. К этому я тоже пока не готов. Словом, позвольте мне уклониться от ответа и, чтобы сделать это мягко, продолжить ту строфу из «Мцыри», первую строчку которой привел выше:

*Но я не делал людям зла,
И потому мои дела
Немного пользы вам узнать,
А душу можно ль рассказать?*

Ю.М.: *Благодарю Вас за откровенную и содержательную беседу.*

Поступила в редакцию 13.10.2013.